

УДК 37.02  
ББК 74.044.3

В.А. Рабош, К.В. Султанов, А.А. Воскресенский

## КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАНИИ\*

*Исследуются концептуальные основания возможностей использования технологий манипулирования в сфере образования. На базе «теории полей» П. Бурдьё рассматривается значение и возможности осознанного манипулирования как коммуникативного феномена для современного высоко информатизированного общества и образования. Делается вывод, что феномен манипулятивных техник отнюдь не сводится к негативному значению.*

### **Ключевые слова:**

*информационное общество, манипулирование, осознанное манипулирование, поколение игрек, постсовременность, теория полей.*

---

Рабош В.А., Султанов К.В., Воскресенский А.А. Концептуальные основания манипулятивных технологий в образовании // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 3. – С. 91–94.

- © Рабош Василий Антонович – доктор философских наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ, и.о. ректора, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: rector@herzen.spb.ru
  - © Султанов Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: child2000@bk.ru
  - © Воскресенский Алексей Александрович – кандидат философских наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: voscres@gmail.com
- 

Манипулирование, представляя собой определенную совокупность стратегий и тактик коммуникации, все активнее проникает в нашу жизнь, постепенно утрачивая негативное значение и отношение, которые мы наблюдали в науке XX столетия по отношению к манипулятивным техникам, приемам и практикам. Отношение к подобным изменениям может быть различным, более существенным нам представляется тот факт, что, начиная с первых лет XXI века, сферой действия манипулятивных технологий становится образовательная сфера. Данная трансформация классического образования порождает целый ряд весьма проблемных вопросов, на некоторые из которых мы попытаемся дать ответ. И прежде всего, дадим рабочий ответ на вопрос, что же понимается под манипулированием и манипулятивными технологиями?

В имеющейся фундаментальной научной литературе, рассматривающей мани-

пулирование, данный феномен предстает в трех основных значениях:

1. Манипулирование как сознательный обман и искажение действительности [2, с. 28].

2. Манипулирование как скрытое, тайное, незаметное воздействие [6, с. 10].

3. Манипулирование как «заражение» и безусловное принятие жертвой мотивации и позиции манипулятора [1, с. 62].

Нетрудно заметить, что каждый из этих подходов делает акцент на невозможности манипулируемого повлиять на результат манипуляции, из чего делается вывод, что манипулятивные стратегии представляют собой безусловное зло.

В этом отношении чрезвычайно важной является концепция А.У. Хараша, который рассматривает манипулирование как коммуникативное воздействие, возникающее на основе развития у участников коммуникативного процесса совместных установок коммуникации [6, с. 65–87].

---

\* Исследование поддержано грантом РГНФ 15-06-10735 «Социально-философский анализ манипулятивных технологий в образовании».

Данный подход особенно важен, поскольку рассматривает манипулирование не как однонаправленное воздействие, проходящее по линии «манипулятор – скрытые намерения – обман– убеждение – подчинение – жертва», но как *процесс интерсубъектного взаимодействия, в котором формируется взаимообусловленный смысловой контекст, делающий возможным проникновение и моделирование смыслового поля личности, с обеих сторон субъектов коммуникативной интеракции.*

Таким образом, именно коммуникативное воздействие, и манипулирование, как его разновидность, оказывается решающим фактором, непосредственно предшествующим преобразованию смыслового поля личности в процессе образования, а само манипулирование представляет собой разновидность межличностного или группового взаимодействия, совершаемого осознанно, либо же бессознательно, при котором отношение к субъекту взаимодействия, постановке целей и выбору наилучшей стратегии их достижения осуществляется в зависимости от контекста ситуации и отношения к партнеру (группе лиц).

Нельзя не отметить, что негативное отношение к манипулированию и разнообразным манипулятивным технологиям формулируется преимущественно на уровне крупных государственных и общественных групп и отношений. Определить причины подобного понимания довольно просто: любой процесс коммуникации, в том числе, и манипулирование, обусловлен целой группой факторов, важнейшим из которых является фактор контроля. А поскольку манипулирование так или иначе связано с возможностью создания особого смыслового поля у участников коммуникации, очевидно, что людям сложно принять и позитивно относиться к тому факту, что кто-то может получить контроль над мыслями, ценностями и смыслами другого человека. Другой причиной негативного понимания манипулирования являются когнитивные искажения, а попросту – мировоззренческие предрассудки, столетиями окружающие данный коммуникативный феномен.

Кроме того, нельзя не отметить растущую информатизацию всех сфер жизни общества, при которой алгоритмизация действий (в виде социальных и гуманитарных технологий, одну из которых и представляет собой манипулирование) достигает наивысшего расцвета. При этом именно сфера образования, говоря современным

языком, является тем дружественным пользователю интерфейсом, который выступает медиатором, посредником между личностью и той социокультурной средой, в которой происходит коммуникация.

Здесь будет уместно вспомнить «теорию полей», разработанную П. Бурдьё, согласно которой и наука, и сфера образования, являются такими социальными пространствами, которые фундированы и структурированы специфическими позициями и практиками межличностных и групповых взаимодействий основных участников и жителей этих «полей» – субъектов современного цифрового пространства, о ценностях и мировоззренческих особенностях которых шла речь в предыдущей нашей работе [5, с. 150–153]. И для нового цифрового мира, в котором, без преувеличения, живут представители поколений X, Y, Z – главные потребители образовательных продуктов, характерно представление о том, что «...основой и главной движущей силой в современном информационном пространстве являются техники манипулирования семантически сложными объектами, представленными в сознании символическими и другими (также внутриспсихическими) коммуникативными средствами [5, с. 52–59].

Исследователи отмечали смысловое разнообразие применительно к пониманию термина «манипулирование» [3, с. 61–67]. В данной работе мы сделаем акцент еще на одной составляющей этого весьма непростого феномена.

Как известно, именно с манипулированием тесно связано формирование наглядно-действенного сознания у ребенка, базирующееся на способностях манипулирования различными предметами, на базе которого происходит разделение понимания смысла выполняемых действий (образующих постепенно мыслительную схему) от совокупности внешних условий, в которых происходит это манипулирование предметами. При этом сознание моделирует внутреннюю онтологию, среду действия, в которой отношения между элементами и блоками, образующими предмет и внутриспсихическую реакцию на него приобретают схематизированную представленность в сознании и становятся основой для «мыследеятельности» (Г.П. Щедровицкий) в следующих ситуациях обучения, что характерно и для психологии развития ребенка, и для поведения сформировавшегося взрослого.

Особенно ярко подобная схема «манипулирования» реальностью проявляется в

знакомстве и освоении ребенком и взрослым различных гаджетов (ПК, смартфон, планшет, и т.д.). Взрослый, пытаясь рационально определить и понять логику работы гаджета, значительно проигрывает в скорости и результативности освоения предмета ребенку, использующему технику манипулирования предметом через активное пользование возможностями гаджета, фрагментарно, неполно и косвенно раскрывающими «логику» устройства.

В этом отношении значительно увеличившееся в последние десятилетия обилие данных и информации, актуализирует в практике, в том числе, и образовательной, навыки обработки информации без обращения к «полнотекстовому» источнику – книге, учебнику, университетскому образованию, и т.д. Особенно важной эта компетенция становится в современных условиях разработки электронных обучающих ресурсов и создания глобального сетевого пространства, объединяющего неизбежно фрагментированные ресурсы в мета-медиа среде.

Действующий в этих условиях разработчик электронных образовательных ресурсов должен с необходимостью уметь манипулировать огромным массивом метаданных для успешного достижения результатов, связанных с личностным ростом и развитием способностей, правильным формированием ключевых навыков и компетентностей обучающихся. Как правило, подобная цель достигается путем создания гипертекстовых связей между информационными блоками и ресурсами образовательной медиасреды. Связи при этом носят отчетливо нелинейный характер, образуя множество «смысловых полей», что создает для каждого субъекта коммуникации индивидуализированное поле знаний, открывая дорогу *авторизации и субъективации*, или, иначе говоря, *осознанному манипулированию ресурсами*, т.е. превращению объективированной информации в личностно-значимое знание посредством процедуры авторизации информации, придания ей *смысла*. Т.е., сужения «горизонта возможностей» до индивидуального образовательного маршрута.

Неоднократно отмечалось, что важнейшей характеристикой современного или даже «постсовременного» мира является чрезвычайно возросшая скорость изменений и неустойчивость состояний. В этой связи характерные для классической философии образования ценностно-целевые и смысловые установки трансформируются, зачастую оказываясь неадекватными

складывающимся условиям. В частности, З. Бауман отмечает, что главной ценностью сегодня являются знания о нарушении, дисбалансе существующего порядка, отказ от привычек, традиций, ценностей культуры и народов, креативность, связанная с умением манипулировать фрагментами действительности и ценностно-смыслового опыта таким образом, чтобы формировать ранее не существовавшие образцы миропонимания, уподобляя свою деятельность игре ребенка, создающего реальность в оптике калейдоскопа, комбинируя и рекомбинируя данные и реальности, каждая из которых имеет собственный, весьма недолговечный жизненный срок.

Таким образом, вне этических оценок «хорошо–плохо», «правильно–неправильно», «допустимо–недопустимо», но опираясь методологию социально-философского исследования, можно утверждать, что манипулирование представляет собой весьма сложный и многогранный феномен, отнюдь не сводимый к своему повседневному негативному коннотату. Более того, несмотря на целый ряд содержательных фундаментальных работ [3, с. 61–67; 4, с. 132–137], на сегодняшний день было бы крайним преувеличением утверждать, будто проблема понимания концептуальных основ манипулирования и манипулятивных техник в сфере образования далека от своего завершения. Невозможно также утверждать, будто педагогический мир имеет в своем распоряжении полное исчерпывающее понимание этого феномена, на базе которого можно осуществлять разработку практически-ориентированных стратегий, направленных на работу (усиление, либо же наоборот, сопротивление) манипулирования как важной и неизбежной коммуникативной составляющей нашей жизни. Очевидным является факт безусловного усиления манипулятивной составляющей в образовательном пространстве, причем можно ожидать педагогических разработок методик и гуманитарных технологий, основанных на использовании манипулятивных техник в педагогическом процессе как социальной технологии «мягкого воздействия», при использовании которой желаемый результат достигается с помощью создания и принятия общего смыслового поля, а не через принуждение. Кроме того, создание образовательной медиа-среды, существенное усиление информационных потоков, фрагментация и неизбежная индивидуализация смыслового поля образования предоставляют колоссальные

возможности для манипулирования всеми уровнями и формами сознания, мировоззрения и мышления. По сути, манипулирование в образовании становится комплексным, интегративным явлением, проявляясь в самых различных формах межличностного и группового взаимодействия

в педагогическом процессе, превращаясь в особую разновидность педагогической, в том числе, деятельности, открывая принципиально новые горизонты социально-философской и гуманитарной экспертизы этого феномена, уже активно включенного в образовательную практику.

### Список литературы:

- [1] Доценко Е.Л. Психология манипуляции. Феномены, механизмы, защита. – М.: ТОО ЧеРО, 1997. – 343 с.
- [2] Попова Е. С. Рекламный текст и проблема манипуляции / Дисс. ... канд. филос. н. – Екатеринбург, 2005. – 154 с.
- [3] Пую Ю.В. Антропология манипулирования // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2010, № 2 (2). – С. 61–67.
- [4] Пую Ю.В., Романенко И.Б., Султанов К.В. Манипулятивные воздействия и образовательные технологии: формирование дискуссионно-диалоговой культуры студентов // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 4. – С. 132–137.
- [5] Рябов Г.Г., Суворов В.В. Манипулирование – инструментальное средство творческого интеллекта // Открытое образование. – 2002, № 3. – С. 52–59.
- [6] Султанов К.В., Воскресенский А.А. Особенности и проблемы поколения Y в образовательном пространстве современной России // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 3. – С. 150–153.
- [7] Хараш А.У. Социально-психологические механизмы коммуникативного воздействия. – М., 1983. – 156 с.
- [8] Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования / Автореф. ... д. филос. н. – Челябинск, 2009. – 27 с.